

·thebigbook·

КНИГИ
ДЭНА СИММОНСА,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ
«АЗБУКА-АТТИКУС»

ТЕРРОР

♦

ДРУД

♦

ПЯТОЕ СЕРДЦЕ

♦

ТЕМНАЯ ИГРА СМЕРТИ

♦

ЛЕТО НОЧИ

ДЭН
СИММОНС

ЛЕТО
НОЧИ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 37

Dan Simmons
SUMMER OF NIGHT
Copyright © 1991 by Dan Simmons
All rights reserved

Перевод с английского Ольги Брусовой,
Дарьи Кальницкой (предисловие)

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-16582-3

© О. Г. Брусова, перевод, 2007
© Д. С. Кальницкая, перевод предисловия, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Уэйну, который был там, когда все случилось

Глава 1

Погруженная в безмолвие Старая центральная школа стояла непоколебимо и упрямо хранила свои тайны. Меловая пыль, скопившаяся за последние восемьдесят четыре года, кружилась в редких проблесках солнечного света, и воспоминания о тех, кто ушел отсюда за более чем восемь десятилетий, витали над темными лестницами и коридорами, наполняя застоявшийся воздух ароматом смерти — характерным запахом гробов из красного дерева. Стены Старой центральной были столь толстыми, что, казалось, поглощали все звуки, а свет, лившийся сквозь высокие старинные окна с искривленными от времени и собственной тяжести стеклами, имел легкий оттенок сепии.

Время в Старой центральной текло медленно, а то и вовсе останавливалось. Гулкое эхо шагов плыло вдоль коридоров и парило над лестницами, но звук его был странно приглушен и никак не совпадал с движением в полумраке.

Первый камень Старой центральной школы был заложен в 1876 году. В тот год армия генерала Кастера была наголову разбита возле реки Литл-Бигхорн¹, что текла далеко на западе, а посетителям Филадельфийской Выставки Столетия² продемонстрировали первый телефонный аппарат. Школу возвели в Иллинойсе, как раз на полпути между штатами, где произошли эти два события, но движение истории ее не коснулось.

¹ Битва на реке Литл-Бигхорн между индейцами племен тетонов и шайенов и Седьмым кавалерийским полком во главе с генералом Дж. Кастером произошла в штате Монтана 25 июня 1876 г. После одной из контратак индейцев кавалеристы отступили, потеряв 265 человек убитыми, в том числе и генерала Кастера. Это был последний случай, когда индейцам удалось одержать победу над армейским подразделением, уничтожив всех его солдат.

² Выставка 1876 г., посвященная 100-летию образования США.

К весне 1960 года Старая школа стала походить на тех древних учителей, которые в ней преподавали: слишком старая, чтобы продолжать работать, но слишком самолюбивая, чтобы согласиться на отставку, — словом, сохраняющая горделивую осанку скорее по привычке и из упорного нежелания склониться. Бесплодная самка, озлобленная старая дева, Старая школа десятилетия за десятилетием брала напрокат чужих детей.

В сумраке ее огромных классных комнат и коридоров девочки играли с куклами, а повзрослев, умирали родами. Мальчики с криками носились по рекреациям и отбывали наказание в темных запертых чуланах, а потом находили вечный покой в местах, никогда не упоминавшихся на уроках географии: Сан-Хуан-Хилл¹, Белло-Вуд², Окинава³, Омаха-Бич⁴, Порк-Чоп-Хилл⁵ или Инчхон⁶.

В первые дни существования здание Старой центральной было окружено молоденькими саженцами. Теплыми майскими и сентябрьскими днями росшие возле самых стен стройные вязы дарили спасительную тень классным комнатам нижнего этажа. Но с годами ближние к школе деревья умерли, а уцелевшие гигантские вязы, молчаливыми стражами выстроившиеся по периметру школьного участка, от старости и болезней засохли и превратились в жутких сучковатых уродцев. Их голые ветви, словно узло-

¹ Сражение за высоту Сан-Хуан (Battle of San Juan Hill) — крупное вооруженное столкновение в период испано-американской войны, произошедшее 1 июля 1898 г. недалеко от г. Сантьяго (Куба).

² В ходе Первой мировой войны в битве у леса Белло (Belleau Wood) — лесного массива на севере Франции — морской десант армии США одержал первую победу (6 июня 1918 г.).

³ *Окинава* — самый крупный остров в архипелаге Рюкю (Япония). Во время Второй мировой войны — место кровопролитных боев между японской и американской армиями (1 апреля — 21 июня 1945 г.), закончившихся победой американцев.

⁴ Одно из мест высадки войск союзников на побережье Нормандии (6 июня 1944 г., так называемый D-Day — день высадки) во время Второй мировой войны, где шли наиболее кровопролитные бои, вошло в историю под кодовым названием «Омаха-Бич».

⁵ Неподалеку от холма Порк-Чоп (Pork Chop Hill) 23 июня 1951 г. произошло одно из наиболее ожесточенных сражений корейской войны 1950–1953 гг.

⁶ *Инчхон* (Южная Корея; другое название: Чемульпо) — город на Желтом море, аванпорт Сеула. 15 сентября 1950 г. командующий американскими войсками во время корейской войны генерал Дуглас Макартур провел дерзкую и рискованную операцию по высадке десанта у этого считавшегося практически неприступным порта.

ватые руки самой Старой центральной, отбрасывали длинные тени на игровые площадки и спортивные поля. Но и в строю этих величественных патриархов были свои, хоть и немногочисленные, потери: несколько деревьев давно уже срубили и куда-то увезли.

Те, кто приезжал в городок Элм-Хейвен¹ и не считал за труд свернуть с Хард-роуд и пройти пешком два квартала, чтобы взглянуть на Старую школу, часто ошибались, принимая ее за непомерно огромное здание администрации округа или какого-то иного учреждения, почему-то построенное в столь необычном месте. Абсурдные размеры этого строения многие объясняли чрезмерным — хотя и непонятно, на чем основанным, — тщеславием местных жителей. И действительно, вследствие каких причин и ради какой цели в городке, население которого едва насчитывало тысячу восемьсот человек, была возведена столь грандиозная трехэтажная постройка, да еще к тому же и стоящая совершенно обособленно?

Однако почти сразу эти же путешественники обращали внимание на хорошо оборудованные детские площадки и понимали, что перед ними школа. Причем довольно странная. Витиевато украшенная медью и бронзой башня покрылась зеленым налетом; ярь-медянка² расцветила даже ее круто поставленную островерхую черную крышу, расположенную в пятидесяти футах над землей. Каменные арки, несомненно относящиеся к романскому стилю Ричардсона³, змеями взмывали над высокими, не менее двенадцати футов, окнами; россыпь круглых и овальных витражей на фасаде создавала впечатление какого-то странного гибрида школы и кафедрального собора; а щипцовая крыша и мансардные окна над ажурными карнизами третьего этажа заставляли вспомнить об архитектуре французских замков. Необычные во-

¹ Как говорил автор в предисловии, прообразом Элм-Хейвена послужил городок Бримфилд в штате Иллинойс, однако название Элм-Хейвен явно перекликается с Нью-Хейвеном — городом-портом на юге штата Коннектикут, на берегу пролива Лонг-Айленд, известным также как Elm City (Город вязов).

² *Ярь-медянка* — зеленые или голубоватые отложения, формирующиеся со временем на меди, латуни или бронзе.

³ *Ричардсон*, Генри Хобсон (Richardson, Henry Hobson; 1838–1886) — архитектор. Окончил Гарвардский университет (1859) и Школу изящных искусств в Париже (1865). Создал неповторимый романский стиль Ричардсона (Richardsonian Romanesque). Функционально четко организуя постройки, заложил основы рационализма в американской архитектуре.

люты, похожие на окаменевшие свитки, создавали своеобразный орнамент над глубоко утопленными в стены дверями и слепыми окнами. Но наиболее сильно поражали всех неоправданно исполинские и даже в какой-то мере зловещие размеры здания.

Так или иначе, но Старая центральная школа с ее неуклюжей башней, с тремя рядами окон и чрезмерно тяжелыми карнизами, с остроконечными окнами мансарды — а фактически четвертого этажа — и необычной крышей казалась совершенно неуместной в таком городке.

Любой обладающий даже незначительным понятием об архитектуре как таковой непременно остановился бы на тихой мощеной улице, вышел из машины и, ахнув от удивления, щелкнул затвором фотоаппарата.

Но тут же, в считанные доли секунды, наблюдательный человек непременно заметил бы, что высокие окна похожи на огромные черные дыры — как будто они были спроектированы для того, чтобы поглощать свет, а не отражать его, — что элементы ричардсоняны, ампира Второй империи, равно как и итальянские мотивы, служили лишь внешним украшением грубой и примитивной в своей основе готики, характерной для архитектуры Среднего Запада, и что наибольшее впечатление производило не само по себе странное здание, сочетавшее в своем облике абсурдное разнообразие архитектурных деталей, а именно увенчанная башней невероятно огромная масса кирпича и камня, явно спроектированная сумасшедшим.

Кое-кто из путешественников, стараясь не поддаваться растущему чувству дискомфорта, а то и вовсе его игнорируя, мог бы обратиться с расспросами о Старой школе к местным жителям или даже поехать в Оук-Хилл, главный городок округа, чтобы просмотреть записи и получить официальные сведения. В таком случае ему удалось бы обнаружить, что Старая центральная школа являлась частью генерального плана восьмидесятилетней давности, согласно которому в округе надлежало построить пять грандиозных школ: Северо-Восточную, Северо-Западную, Центральную, Юго-Восточную и Юго-Западную. Центральную возвели первой, и случилось так, что она осталась и единственной.

В семидесятых годах девятнадцатого века Элм-Хейвен был значительно больше, чем теперь, во второй половине века двадцатого, — отчасти благодаря железной дороге (ныне полностью за-

брошенной), а отчасти по причине массового наплыва иммигрантов, привлеченных из Чикаго амбициями градостроителей. Население округа, в 1875 году насчитывавшее двадцать восемь тысяч человек, к 1960 году, согласно проведенной тогда переписи, уменьшилось до двенадцати тысяч, причем большинство из них составляли фермеры. Число жителей Элм-Хейвена в том же 1875 году составляло четыре тысячи триста человек, и судья Эшли, миллионер и главный вдохновитель постройки Старой центральной школы, предсказывал, что скоро город опередит по числу жителей Пеорию и когда-нибудь сможет соперничать с Чикаго.

Архитектор, которого судья Эшли привез откуда-то с востока, — некий Солон Спенсер Олден — учился как у Генри Хобсона Ричардсона, так и у Р. М. Ханта¹, однако кошмарный плод этого обучения отразил только темные стороны романского Ренессанса и был напрочь лишен того великолепия и открытости, которые предлагали сооружения чисто романского стиля.

Судья Эшли настаивал — и жители городка с готовностью с ним согласились, — что школа должна быть построена с учетом того обстоятельства, что впоследствии она примет под свою опеку не одно поколение детей округа Кревкер² и число учащихся будет постоянно увеличиваться. Кабинеты оборудовали не только для начальных классов, но и для средней школы — ей отвели весь третий этаж. Правда, занятия там шли только до Первой мировой войны. Проектировщики предусмотрели и дополнитель-

¹ *Ричард Моррис Хант* (Richard Morris Hunt; 1828–1895) — американский архитектор, одна из наиболее примечательных фигур в развитии зодчества XIX в. Был первым американцем, окончившим Школу изящных искусств в Париже (1851–1854). Автор проекта постамента статуи Свободы.

² Французский исследователь и путешественник Рене Робер Кавелье де ла Саль (1643–1687) в 1667 г. прибыл в Северную Америку и впоследствии предпринял несколько экспедиций с целью расширения там французских владений. Во время одной из них построил на берегу озера Пеория форт Кревкер, позднее давший название всему административному округу.

Возможно также, что название округа связано с именем Сент-Джона де Кревкера (Crevecoeur, St. John, de; 1735–1813), француза по происхождению, жившего в Америке в 1755–1781 гг. В 1782 г. он опубликовал в Европе сборник «Письма американского фермера» (*Letters from an American Farmer*), в котором создал идеализованную картину жизни поселенцев в Америке, ее природы и политического устройства и одним из первых назвал Америку «плавильным котлом» (melting pot), превращающим иммигрантов в новых, свободных людей.

ные помещения, в которых могла пока расположиться городская библиотека, а впоследствии, если в том возникнет необходимость, даже колледж.

Но колледж так и не был создан не только в Элм-Хейвене, но и во всем округе. После того как во время Депрессии 1919 года сын судьбы Эшли разорился, их огромный фамильный дом, стоявший в конце Бруд-авеню, сгорел дотла. А Старая центральная на многие десятилетия осталась лишь начальной школой. По мере того как люди покидали город и новые школы возводились в других местах, ее посещало все меньше и меньше детей.

Третий этаж, предназначенный для старших классов, оказался совершенно ненужным уже к 1920 году, когда в Оук-Хилле построили настоящую среднюю школу. В полностью оборудованных классах воцарились мрак и паутина. В 1939 году располагавшаяся на одном этаже с начальной школой городская библиотека выехала из зала со сводами, а книжные полки на его просторных антресолях практически опустели и немо взирали на немногих учеников, семенящих по огромному проходу, спускающихся по чрезмерно широким лестницам или слоняющихся по полутемным подвальным помещениям словно в поисках пристанища в каком-то давно заброшенном городе невообразимо далекого прошлого.

Наконец осенью 1959 года новый городской совет и совет школ округа решили, что Старая центральная пережила свое время и что даже в нынешнем полупустом состоянии это архитектурное чудовище требует слишком много времени, сил и средств для отопления и поддержания в нем элементарного порядка, а потому гораздо целесообразнее с осени 1960 года перевести оставшихся здесь сто тридцать четыре ученика в новую объединенную школу в Оук-Хилле.

Как бы то ни было, но весной того же года, в последний день школьных занятий, всего за несколько часов до принудительной отставки, Старая центральная все еще стояла непоколебимо, погруженная в безмолвие, и упрямо хранила свои тайны.

Глава 2

Шестиклассник Дейл Стюарт сидел за партой в одном из классов Старой школы, твердо уверенный в том, что последний день занятий — это наихудшее из наказаний, выдуманных взрослыми для детей.

Время тянулось медленнее, чем в приемной дантиста, медленнее, чем после ссоры с мамой — в ожидании прихода отца и неминуемого наказания, медленнее, чем...

В общем, все было просто ужасно.

Часы, висевшие на стене над головой Двойной Задницы, показывали два часа сорок три минуты. Календарь на той же стене сообщал, что сегодня среда, 1 июня 1960 года, последний день школьных занятий, последний скучный день, который Дейлу и другим оставалось вытерпеть в чреве Старой центральной. Но на самом деле время словно остановилось, причем так намертво, что Дейл чувствовал себя увязшим в янтаре насекомым, похожим на того паука в желтом камне, которого отец Кавано одолжил однажды Майку.

Делать было *совершенно нечего*. Не было возможности даже учить уроки: все учебники шестиклассники сдали в школьную библиотеку еще в половине второго, и миссис Даббет скрупулезно их проверила, фиксируя малейший урон, нанесенный книге последним обладателем, хотя Дейл понятия не имел, каким образом она отличала новые повреждения от прошлогодних... Когда все было закончено и в сделавшейся вдруг неестественно пустой классной комнате не осталось ничего, кроме голых досок объявлений и дочиста надраенных деревянных парт, Двойная Задница равнодушно предложила ученикам «что-нибудь почитать». При этом ей было отлично известно, что книги, взятые в школьной

библиотеке, были сданы еще в прошлую пятницу под страхом невыдачи табелей с итоговыми отметками.

Дейл, конечно, мог бы принести что-нибудь почитать из дома, например книжку о Тарзане, после полуденного обеда оставленную раскрытой на кухонном столе, или один из «эйс-дублей»¹, который он тоже читал на этих днях. Но хотя Дейл успевал проглатывать по несколько книг в неделю, ему и в голову не приходило, что можно заниматься этим в стенах школы. В школе полагалось выполнять письменные задания и слушать учителей, которые после объяснения материала задавали такие простые вопросы, что даже шимпанзе мог бы отыскать в учебнике правильный ответ.

Итак, Дейл и остальные двадцать шесть его одноклассников томились во влажной духоте класса, а тем временем небо за окнами темнело, обещая бурю. Старую центральную уже окутывал мрак, — казалось, даже сам воздух в здании сделался тусклым и тяжелым. Лето словно застыло у порога школы, замерли стрелки на часах, и пыльное безмолвие накрыло учеников подобно одеялу.

Дейл сидел за четвертой партой во втором ряду справа. Со своего места он отлично видел коридор, темневший за входом в раздевалку, дверь в пятый класс, где сидел его лучший друг Майк О'Рурк, так же как и Дейл, нетерпеливо ожидавший конца учебного года. Майк был ровесником Дейла — даже на месяц старше, — но, после того как О'Рурку пришлось по второму разу пройти программу четвертого класса, мальчиков разделила пропасть величиной в целый учебный год. Майк воспринял случившееся с тем же апломбом, с каким он воспринимал бóльшую часть жизненных коллизий: посмеялся над своей неудачей и остался прежним верховодом на школьном дворе и среди друзей. И не проявил ни малейшей обиды на миссис Гроссейнт, старую каргу, которая оставила его на второй год просто так, из чистой злобы, — Дейл, во всяком случае, в этом ничуть не сомневался...

В самом классе у Дейла тоже было несколько закадычных приятелей — например, Джим Харлен, которого миссис Даббет сажала за переднюю парту первого ряда, чтобы приглядывать за

¹ *Ace double* (англ.) — сборник из напечатанных «спина к спине», перевертышем, двух фантастических повестей разных авторов; иногда такие сборники, публиковавшиеся издательством «Ace Books» с 1952 г., включали и две повести одного автора.

ним. Сейчас Харлен, положив голову на руки, медленно обводил взглядом класс, и в его глазах плясали озорные искорки. Дейл видел этот танец и вполне разделял настроение друга, но изо всех сил старался скрыть свои чувства. Харлен заметил, что Дейл смотрит на него, и скорчил рожу. Его на редкость подвижный рот мог принимать любую форму, как у фигурки из «Силли Патти»¹.

Двойная Задница кашлянула, и Харлен живо повернулся к доске.

В ряду у окон сидели Чак Сперлинг и Диггер Тейлор — приятели, классные вожак, заводилы. Отчаянные шутники. Дейл нечасто видел Чака и Диггера вне школы, разве что на играх «малой лиги»² и на практике. За Диггером сидел Джерри Дейзингер — как всегда в поношенной, застиранной футболке. Вне школы все носили футболки и джинсы, но только самые бедные из учеников, такие как Джерри и братья Корди Кук, надевали их в школу.

Позади Джерри была парта этой самой Корди. Сейчас ее простецкое, круглое, с навечно застывшим на нем тупым выражением и совершенно бесцветными глазами лицо было обращено к окну, хотя было ясно, что она там ничего не видит. Корди жевала резинку — она всегда ее жевала, но по каким-то странным причинам миссис Даббет никогда этого не замечала и не делала девочке выговоров. Вот если бы Харлен или кто другой из классных фигляров позволил себе такое, миссис Д. тут же выгнала бы его... Но для Корди это было абсолютно естественное занятие. Дейл пока еще не слышал о существовании класса жвачных животных, но Корди всегда напоминала ему корову, пережевывающую жвачку.

За Корди, полным ей контрастом, за последней партой в их ряду сидела Мишель Стеффни — хорошенькая чистенькая девочка в тонкой зеленой блузке и коричневой юбке. В ее рыжих волосах играли солнечные блики, и даже отсюда Дейлу была отлично видна россыпь веснушек на белой, почти прозрачной коже.

Словно почувствовав его взгляд, Мишель подняла глаза от книжки, и, хотя она не улыбнулась, даже намек на понимание

¹ «Силли Патти» (Silly Putty) — фирменное название «глины» для детского творчества.

² «Малые лиги» — объединения детских бейсбольных команд. В городе Уильямспорт, штат Пенсильвания, ежегодно проходит всемирный чемпионат «малых лиг». Поле для игры по площади составляет $\frac{2}{3}$ от стандартного.

заставил учащенно забиться сердце одиннадцатилетнего мальчугана.

Не все друзья Дейла учились в одном с ним классе. Кевин Грумбахер еще только заканчивал пятый — он был на девять месяцев младше. А брат Дейла Лоренс и вовсе томился на первом этаже — в третьем классе, где преподавала миссис Хоу.

Но едва ли не лучший друг Дейла, Дуэйн Макбрайд, был здесь, рядом. Дуэйн — в два раза толще, чем самый толстый из остальных одноклассников, — заполнял собой почти все сиденье третьей парты в среднем ряду и, как всегда, что-то торопливо писал в стареньком блокноте, который вечно таскал с собой. Его давно не стриженные волосы торчали вихрами. Дуэйн то и дело автоматически поправлял очки, чуть хмурился, перечитывая написанное, и снова склонялся к листу. Несмотря на жару — температура перевалила за восемьдесят¹, — Дуэйн был в той же теплой фланелевой рубашке и тех же мешковатых вельветовых брюках, что и зимой. Дейл не помнил, чтобы когда-нибудь он видел приятеля в джинсах и футболке, хотя в отличие от самого Дейла, Майка или Кевина с Джимом — ребят городских — тот вырос на ферме и выполнял всю работу по дому.

Дейл встрепенулся. Уже два часа сорок девять минут. Школьный день по каким-то совершенно загадочным причинам, в числе которых было, например, расписание автобуса, заканчивался в три пятнадцать.

Со скуки мальчик уставился на портрет Джорджа Вашингтона на передней стене и в десятитысячный раз задумался, почему это руководство школы предпочло повесить здесь репродукцию незаконченного портрета великого президента. Затем он перевел взгляд на потолок — четырнадцать футов от пола, — на окна не меньше десяти футов высотой, затем оглядел коробки с книгами, сложенные на полках книжных шкафов, и задумался над тем, что сделают с учебниками. Их перевезут в новую школу? Или сожгут? Скорее последнее, поскольку Дейл не мог себе представить эти ветхие, потрепанные книжки в той новенькой школе, мимо которой он как-то проезжал вместе с родителями.

¹ По шкале Фаренгейта. Около 30° Цельсия. При переводе из шкалы Фаренгейта в шкалу Цельсия из исходной цифры вычитают 32 и умножают на $\frac{5}{9}$.

Два часа пятьдесят минут. Двадцать пять минут до наступления настоящего лета, до обещанной свободы.

Дейл уставился на Двойную Задницу. Кличка не была злой или насмешливой, училка всегда была именно Двойной Задницей. Целых тридцать восемь лет миссис Даббет и миссис Дагган вели уроки в шестых классах — первоначально в смежных кабинетах, затем, когда число учащихся резко сократилось (это произошло примерно тогда, когда родился Дейл), в одном и том же помещении. Миссис Даббет преподавала чтение, письмо и общественные науки в первой половине дня, а миссис Дагган — математику, естественные науки, правописание и каллиграфию после обеда.

Эта пара была Орестом и Пиладом Старой центральной: худая, высокая, порывистая миссис Дагган и низенькая, толстая и медлительная миссис Даббет. Голоса у них тоже были совершенно разными по тембру и тону, но их жизни странно наложились одна на другую: старые викторианские особнячки, соседствующие друг с другом на Брод-авеню, одна и та же церковь, одни и те же курсы в Пеории, каникулы во Флориде, — и две незавершенные личности каким-то образом, соединив общий опыт и общие недостатки, создали личность вполне совершенную.

Этой зимой, в последний год владычества Старой школы, как раз перед Днем благодарения, миссис Дагган заболела. «Рак», — сказала миссис О'Рурк матери Дейла, думая, что мальчики ее не слышат. Миссис Дагган не вернулась в класс и после рождественских каникул. Преподавание ее предметов — «только до возвращения Кору» — взяла на себя миссис Даббет, откровенно презиравшая эти дисциплины, однако не желавшая допустить, чтобы в школу пригласили другого учителя и тем самым подтвердили слух о серьезности болезни ее коллеги и приятельницы. Миссис Даббет к тому же ухаживала за больной — сначала в высоком розовом доме на Брод-авеню, потом в больнице. Но однажды утром в школе не появилась даже Двойная Задница, а уроки в шестых классах впервые за четыре десятилетия провела другая учительница. По школе прошелестела весть, что миссис Дагган умерла. Это было накануне Дня святого Валентина.

Похороны состоялись в Дэвенпорте, и никто из учащихся на них не присутствовал. Впрочем, даже если бы погребение состоялось в самом Элм-Хейвене, картина была бы точно такой же.

Миссис Даббет вернулась в школу двумя днями позже.

При виде пожилой женщины Дейл почувствовал, как в нем шевельнулось что-то похожее на жалость. Она была по-прежнему толстой, но теперь лишняя масса висела на ней, словно слишком просторное пальто. Когда она поднимала руки, подушки предплечий колыхались в воздухе, как гофрированная бумага. Глаза потускнели и так глубоко ввалились в глазницы, что казалось, будто вокруг них сплошные синяки. Сейчас учительница сидела, уставясь в окно с тем же безнадежным и тупым выражением, какое неизменно присутствовало на лице Корди Кук. Голубоватые когда-то волосы пожелтели у корней и висели неопрятными прядями, платье сидело вкривь и вкось — казалось, что женщина неправильно застегнула пуговицы. Вокруг нее витал тот же неприятный запах, что и вокруг миссис Дагган перед Рождеством, вспомнил Дейл.

Он вздохнул и заерзал на месте. Было еще только два часа пятьдесят две минуты.

В темном холле послышалось легкое движение и мелькнула крадущаяся тень, в которой Дейл узнал Табби Кука — толстого придурковатого брата Корди. Тот скользнул по площадке лестницы и теперь заглядывал в класс, пытаясь привлечь внимание сестры, но при этом остаться незамеченным и не попасться на глаза Двойной Заднице. Бесполезно. Корди, будто загипнотизированная, продолжала любоваться небесами и едва ли обратила бы внимание на брата, даже если бы тот швырнул в нее кирпичом.

Дейл едва заметно кивнул мальчишке. Здоровенный четвероклассник в комбинезоне с нагрудником и лямками показал ему кукиш, помахал каким-то листком, похожим на разрешение отлучиться в туалет, и скрылся в темноте коридора.

Дейл опять поерзал. Ему и друзьям иногда приходилось играть с Табби, несмотря на то что Куки жили в одной из крытых рубероидом лачуг, расположенных неподалеку от свалки, у элеватора за железной дорогой. Табби был толстым, уродливым, тупым и вечно грязным, а также проявлял такое вопиющее невежество, какого Дейл до сих пор не встречал ни у одного четвероклассника, однако все это не давало повода запрещать ему участвовать в забавах группы городских ребят, называвших свою команду «Велосипедный патруль». Впрочем, Табби не так уж часто домогался этой чести у Дейла и его друзей.

Симмонс Д.

С 37 Лето ночи : роман / Дэн Симмонс ; пер. с англ. О. Брусовой, Д. Кальницкой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 736 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-16582-3

«Лето ночи» — от Дэна Симмонса, прославленного автора «Террора» и «Друда», «Пятого сердца» и «Темной игры смерти» и знаменитой эпопеи «Гиперион» / «Эндимион». Это книга о последнем лете детства. О том времени, когда мы тесной компанией пропадали в лесу и на речке, наперегонки гоняли на велосипедах, пугали друг друга страшилками про гроб на колесиках и черную руку. Ведь еще чуть-чуть — и каждый пойдет своей дорогой; а потом будет всю жизнь вспоминать это особенное время, когда мы были безоглядно счастливы и абсолютно свободны, а за каждым углом поджидали небывалые приключения. Атмосферу провинциального городка Симмонс воспроизводит с той же любовью и яркостью, с какой Брэдбери в «Вине из одуванчиков» изображал свой Гринтаун. И вот ты уже готов поверить в зло, древнее, как боги Египта, и коварное, как семейство Борджа...

Перевод публикуется в новой редакции, с авторским предисловием для юбилейного издания.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЭН СИММОНС
ЛЕТО НОЧИ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректор Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.06.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 46. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в ООО «Тульская типография»
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109

Y-ABB-25842-01-R